СЛОВО
НА ПОГРЕБЕНІЕ
ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА
ИВАНА ИВАНОВИЧА
БЕЦКАГО

Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА дѣйствительнаго Камергера, Императорской Академіи Художествъ Президента, надъ строеніями ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА домовъ и садовъ главнаго Директора, Императорскаго Воспитательнаго дома и воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ главнаго попечителя, и орденовъ Россійс. св. Апостола Андрея, св. Александра Невскаго, св. Равно-Апостольнаго Князя Владимира 1й степени, и св. Анны Кавалера, родившагося 1702 скончавшагося 1795 года Августа 31 дня.

Говоренное

Въ Александроневскомъ монастырѣ въ церькви Благовѣщенія, ИМПЕРАТОРСКАГО Шляхетнаго Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса

Закона Учителемъ,

Троицкой Сергіевой Пустыни

Архимандритомъ

Анастасіемъ,

Сентября 4 дня 1795 года.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Печатано при Императорской Академіи Художествъ.

И такъ! — Мужъ, исполненный долготою дней, скончался въ малѣ! — Рука приближенныхъ закрыла хладными вѣждями померкшїй на вѣки взоръ его. — Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. — Признательность начертаетъ на камени имя его. — Чувствительное сердце ороситъ слезою гробницу его.... И симъ ли свершилось воздаянїе тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ Престолу, Отечеству, свѣту? — Потомство соплететъ ему вѣнецъ хвалы? — Но глава, увядшая подъ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанїя возвѣстятъ дѣла его? — Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшїй къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнутъ въ честь его мѣдь, или мраморъ? — Но подъ тяжестїю сею изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ манїемъ преклонила въ мирѣ уснуть и почить.

Боже Великїй! Для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сїю отцевъ и матерей, дабы только родиться и умереть? — Чтожъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ; или предъ муравїемъ, изды-

хающимъ подъ ногою путника скоротечнаго? Богоподобная Добродѣтель! Для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душею, всей крѣпостiю силъ и самою жизнiю, дабы собравъ всеобщiя хвалы дань, оставить ее у отверзтiя гроба? — Но и сего стяжанiя не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.

Свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ: но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами: ибо не можемъ украсить ее нетлѣнными. — Такъ *самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертiя, и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности!*

Добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено ли оно ко Богу? На немъ изображено исполненiе всѣхъ тѣхъ отношенiй, каковыми разумная тварь обязана къ своему Создателю. Обращено ли оно къ человѣку? На немъ сiяютъ сiи сердечныя мысли: се ближнiй мой! я люблю его, яко самаго себя. Обращено ли оно на грудь свою? На немъ зрится напечатлѣнно вниманiе къ собственнымъ и достоинствамъ и обязанностямъ своимъ: азъ есмь церковь Бога живаго; прославлю

Бога и въ душѣ и въ тѣлесѣ моемъ. — Добродѣтель и во свѣтѣ просвѣщенія тѣмъ сіятельнѣе, она блистательна и среди мрака заблужденій. Зерцало ея есть солнце, или паче Богъ, да будетъ истинна и правда ея яко полудне, яко совершенства Бога. Она величественная въ порфирѣ; она и въ рубищахъ любезна. Преславная подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на нивѣ при ралѣ. Достохвальна во храмѣ у священнаго олтаря; благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшенъ ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предпріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ Виновнику бытія; дабы повергнуться предъ нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божія; дабы прославить премудрость Его. Познаетъ совершенства Господа своего; дабы имѣть ихъ основаніемъ и закономъ жизни. — Любитель мудрости уже есть нѣчто больше, нежели человѣкъ, который иногда предъ очами высокомѣрія является презрѣннѣе праха: но когда при мудрости сіяетъ душа его красотою добродѣтели; не есть ли онъ, яко Ангелъ Божій?

Воодушевлено ли добродѣтелію сердце? Тогда желанія его непорочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбіе безъ лице-пріятія, искренность безъ лести, благотворенія безъ

величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ, мирно, яко утренняя заря. Его страсти не раздираютъ, не влекутъ въ плѣнъ рабства чувственныя прелести. Не намъ, не намъ токмо таковое сердце любезно. Оно обращаетъ на себя взоръ Сердцевѣдца. Небесная нѣкая радость и не изобразимое удовольствїе суть или знаменїемъ присутствующаго уже въ немъ Божества; или вѣстниками приближенїя его по обѣщанїю: *Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй мя, и азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ,* глаголетъ Спаситель Богъ.

Сопутствуетъ ли добродѣтель по степенямъ щастїя, на которое возводитъ промыслъ Вышняго? Тогда власть и могущество для прибѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть, яко матернїя крилїя для птенцовъ невосперенныхъ. Тогда богатство и изобилїе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою. Тогда слава есть торжественный примѣръ: или мужества, коего трепещетъ не меньше высокомѣрный врагъ, какъ и лукавый порокъ; или великодушїя, столь же терпѣливо преносящаго удары напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды; или ревности къ вѣрѣ и закону; или вѣрности къ отечеству и любви къ Государю. — Сїи опыты добродѣтели не суть плодъ воображенїя и мечты.

Воскресите, воскресите въ памяти вашей тѣхъ мужей, кои были красотою и утѣшенїемъ человѣческаго рода. Всевышнїй хранилъ ихъ яко зѣницу ока, и для добродѣтелей ихъ усугублялъ благословенїя свои въ людяхъ. Онъ, взирая на ихъ, преклонялся долготерпѣнїемъ и къ тѣмъ, кои служили идолу порока, кои достойны были его праведнаго пораженїя. — Вообразите и нынѣ, въ теченїи сея нашея жизни, въ нашемъ отечествѣ, въ Россїйстѣй церквѣ, во градѣ семъ, и въ семъ, безъ сумнѣнїя, храмѣ находящихся, кои красотою души и сердца своего, красотою дѣянїй своихъ плѣняютъ сердца и души наши. Мы съ радостїю жертвуемъ имъ удивленїемъ, любовїю, благодарностїю, прославленїемъ: ибо принесть другую жертву не можемъ. Такъ уже ли мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы мїра къ престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства его, и на земли для служенїя ему сооружающая духовной олтарь, мысль, обтекающая въ едино мгновенїе и небо и землю, прошедшїе вѣки и грядущїе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Уже ли тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнїя и благочестїя, духъ страха Господня, погаснетъ подобно смертному факелу? Уже ли то сердце, украшенное благостїю и правдою, истинною и

святостїю, кротостїю и человѣколюбїемъ, доброжелательствомъ и благотворенїемъ, пожертво будетъ тлѣнїемъ? Тѣ желанїя святыя, тѣ надежды небесныя, изчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта? Для сего ли Премудрость Божїя возвышаетъ человѣка до такїя степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Для сего ли хвалимся носити образъ Предвѣчнаго Создателя нашего, дабы содѣлаться тѣмъ вожделѣннѣйшею добычею, все чувственное поглощающїя смерти? — Гдѣ же тѣ обѣщанїя Евангельскїя: *Вѣруяй въ мя не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный?* Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горестей нещастїя? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность ни по страху человѣческому, ни для похвалъ внѣшнихъ? Гдѣ вѣра? Гдѣ законъ? Гдѣ праведный Богъ? — Что чувствовалъ тогда порфироносный Пророкъ, когда разсматривая суетность гибнущихъ удовольствїй, сказалъ: *Азъ правдою явлюся лицу твоему, Боже! насыщуся, внегда явитимися славѣ твоей?* Какою надеждою столь живою, столь несумнительною былъ воодушевленъ Божественный Апостолъ, когда произнеслъ: *Дерзаемъ и благоволимъ паче отъити отъ тѣла, и внити ко Господу?* Откуду та радость, съ которою страдальцы свя-

тые послѣднее испускали дыханїе, вѣщая: *Боже! въ руцѣ твои предаю духъ мой?* И мы, благочестивые Христїане! и мы не речемъ ли съ Апостоломъ Павломъ: *Аще въ животѣ семъ точїю уповающи есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы?*

По понятїю, какое имѣли ненаказанные еще во дняхъ Соломона, что съ тѣломъ, обратившимся въ пепелъ, и духъ разольется яко мягкїй воздухъ, по сему немилосердому и въ мѣстѣ богохульному понятїю, что была бы жизнь наша, какъ не время проклинать день рожденїя своего, и оплакивать будущее свое изчезновенїе? О таковой кончинѣ праведника не воздохнутъ ли небеса, гдѣ душа его полагала отечество свое? Не возстенаетъ ли вѣчность, которыя блаженствомъ уже преднаслаждалось сердце его? По сему понятїю Богъ, нѣсть Богъ живыхъ и мертвыхъ.

Упоенный прелестями нечестїя и разврата порокъ! Онъ-то плѣннику своему льститъ конечнымъ бытїя разрушенїемъ. По его внушенїямъ вѣчность мечта: ибо всѣ удовольствїя его остаются по сю сторону гроба. Онъ, восхищая иногда временное достоянїе добродѣтели, мнитъ быти честность и правоту ея суетными, и тщетными всѣ подвиги ея. — Дѣламъ, совершаемымъ изъ любви Бога и его закона, остаться безъ воздаянїя, есть то же,

что душѣ богоподобной обратиться въ ничто. Если бы праведнику за подвиги его, кои онъ сѣетъ иногда при толикихъ озлобленїяхъ, орошаетъ не рѣдко толь многими слезами, предъоставлено было собирать здѣсь на земли воздаянїй жатву: то возмоглъ ли бы кто лишить его принадлежащаго ему права? Злымъ зло, благо добрымъ: истинна сїя вѣчна. Гдѣ же она воздѣйствуетъ во всей силѣ: когда жизнь сїя есть брань, гдѣ побѣда не рѣдко остается на противной сторонѣ? Судъ Бога нѣсть якоже судъ человѣка. *Азъ*, глаголетъ Господь, *азъ воздамъ комуждо по дѣломъ его.* Есть Богъ, Богъ праведный. Воздаянїе добродѣтели въ руцѣ его. Оно столь же нетлѣнно, какъ безсмертная душа; столь велико, сколь благъ мздовоздаятель Господь. — Такъ мужъ, исполненный небесныхъ надеждъ, совершивъ подвиги благїе, возлегаетъ съ веселїемъ на смертный одръ! Святая вѣра разсыпаетъ весь тотъ страхъ, отъ котораго не можетъ не содрогаться сердце, воображающее, кто есть Богъ, и какая къ нему обязанность человѣка? Онъ оставляетъ память о себѣ въ имени и дѣлахъ. Въ имени? написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живота. Въ дѣлахъ? увѣнчанныхъ небесною славою. Если память его можно по достоинству почтить на землѣ: то подражанїемъ жизни его, взирая на кончину его. Добродѣтель не преселяется во страну вѣчности, не напеча-

тлѣвъ красными стопами на мѣстѣ бытія своего любезнѣйшихъ слѣдовъ.

Такъ!... и гдѣ почившаго нынѣ сего знаменитаго Мужа, предлежащаго въ сей гробницѣ, въ семъ храмѣ предъ очима нашима, гдѣ душа его не ознаменовала доброты своея? Священная память временъ Отца отечества ПЕТРА ВЕЛИКАГО есть началомъ бытія его, яко человѣка, и жизни его, яко сына отечества: тридесять пятой годъ благословеннаго царствованія Премудрыя ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ, Матери нашея, есть предѣломъ девятидесятилѣтняго теченія дней его. Сіи едины, толь великія, толь высокознаменитыя во вселенной эпохи, уже дѣлаютъ періодъ жизни его достопримѣчательнымъ. Но при благородномъ сердцѣ, при нѣжномъ чувствованіи честнаго и похвальнаго, при свѣтѣ любомудрія Божественнаго и человѣческаго, при мудромъ правленіи толь великихъ скипетровъ, стяжалъ онъ и по личнымъ достоинствамъ право на общее отъ всѣхъ уваженіе къ особѣ своей. — Кто сидящаго на престолѣ Человѣколюбія исполнилъ ревностно волю призрѣть на несчастныхъ сиротъ, повергаемыхъ на распутіи? — Онъ. Кто въ храмѣ художествъ воздвигнутомъ Мудростію, пекущеюся о просвѣщеніи подчиненныхъ, поспѣшествовалъ усердно намѣреніямъ ЕЯ, соблюлъ свято ЕЯ уставы? — Онъ. Кого Великая Монархиня при

изліяніи щедротъ своихъ на новое учрежденіе и распространеніе воспитанія благороднаго юношества обоего пола удостоила быть правителемъ? — Его. Кому Высочайше благоволила повѣрить смотреніе надъ сооруженіемъ безсмертнаго памятника ПЕТРУ ПЕРВОМУ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ? — Ему. Нева! Нева, гордясь красотою бреговъ, свидѣтельствуетъ о тщаніи его къ исполненію велѣній Монаршихъ. — Его любовь къ человѣчеству не щадѣла иждивеній, не больнымъ токмо подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. — Сколько воспитанниковъ напечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія! Великая Государыня благоволила наконецъ, при многихъ знакахъ отличностей, украсить его собственнымъ его изображеніемъ: такъ онъ былъ подобенъ себѣ въ намѣреніяхъ, въ совѣтахъ, въ благоразуміи, въ некорыстолюбіи, въ вѣрности, въ любви къ отечеству и законамъ.

Боже Праведный! Боже Спасителю! у тебе мѣрило нашихъ дѣлъ. — Къ Тебѣ, яко создателю своему, возходитъ духъ, когда мертвенное жилище его разрушается. — Тебѣ любезна добродѣтель: ибо Ты святъ. Упокой душу раба твоего *болярина Іоанна*, идѣже праведные водворяются.

